КАМИЛА ЛЕВИТАН ✦ МИЛАНА СЕДИНА

РАЗВОД С ПРЕДАТЕЛЕМ.

Ты присвоил мою работу, но я раскрыла твои преступления!

Милана Седина

Развод с предателем. Ты присвоил мою работу, но я раскрыла твои преступления!

«Автор»
2026

Седина М.

Развод с предателем. Ты присвоил мою работу, но я раскрыла твои преступления! / М. Седина — «Автор», 2026

Я вернулась домой и застала мужа с любовницей. Алина сидела в моём халате, Дмитрий требовал подписать бумаги о разводе и отказаться от всех архитектурных проектов, которые я создавала годами.Он обещал уничтожить мою карьеру, если я осмелюсь сопротивляться.Но на этом предательство не закончилось. Ради денег и власти муж готов угрожать даже нашей дочери.Теперь против меня влиятельные застройщики, поддельные документы и люди, привыкшие решать всё силой.Единственный, кто предлагает защиту, — опасный конкурент Дмитрия, Артур Кротов.Только могу ли я доверить ему свою судьбу?Я верну себе имя, работу и право на счастье после столь жестокой измены. Любой ценой.

© Седина М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 18
Глава 6 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Камила Левитан, Милана Седина
Развод с предателем. Ты присвоил мою работу, но я раскрыла твои преступления!

Глава 1

Дождь в этом городе пахнет мокрой пылью. К вечеру она набилась мне в волосы, в воротник, даже на зубах скрипела. Я выскочила из такси у подъезда, потому что водитель отказался ждать: «Тетка, я тут три минуты торчу, а у меня следующий заказ». Он даже не посмотрел на меня. Просто ткнул пальцем в счётчик — пятьсот рублей за ожидание, если вернусь через десять минут. Под навесом всё равно продувало. Я запахнула демисезонное пальто — серое и скучное, как называл его Дмитрий.

«Слишком по-бюджетному», — говорил он, когда я надевала его на объекты. «Ты же жена владельца компании, а не прораб».

Я улыбнулась этому воспоминанию. Глупо, но тепло. Сегодня был адский день. Три часа в бетонной пыли, споры с подрядчиками, которые пытались подсунуть нам дешевую плитку вместо гранита. У меня болели плечи от рывков, во рту стоял вкус металлической стружки, но внутри было тихое удовлетворение. Мы делали дом. Я отстояла гранит для входной группы: через год он не пойдет сколами под детскими колясками и каблуками. Теперь туда можно было войти и не споткнуться о чужую экономию. И я знала, что Дима будет дома. Что он приготовит ужин, или хотя бы нальет мне бокал вина, и мы будем молчать, глядя на огни города, как два человека, построившие свою крепость против всего мира.

Ключ повернулся в замке легко. Слишком легко. Обычно дверь требовала усилия, чтобы преодолеть сопротивление уплотнителя, особенно после дождя, когда дерево разбухает. Но сегодня она открылась без звука.

Тишина? Нет. Звук. Хруст стекла. Острый, резкий звон, будто кто-то швырнул бутылку об пол. Потом смех. Женский, высокий, ленивый и победный.

Мое сердце пропустило удар, а затем заколотилось так бешено, что отдавало в висках. Взломщики? Нет, откуда тогда смех? Может, звук из соседней квартиры? Я задержалась на пороге, ещё надеясь, что ошиблась.

Я шагнула внутрь, и запах ударил первым. Не мой запах лавандового кондиционера для постельного белья, который я покупала специально для нашей спальни. Чужой. Тяжелый, сладкий парфюм «Baccarat Rouge 540», который стоит дороже моей месячной зарплаты, и винные пары. Дорогое красное вино. То самое, которое Дима хранил в отдельном шкафу, потому что считал его коллекционным.

Гостиная была разгромлена. Не хаотично, как после драки, а методично, как после мародерства. Подушки с нашего дивана лежали кучей посреди комнаты. На кофейном столике из ореха — том, который я выбирала полгода, перемерив сотни вариантов, — стояли пустые бокалы со следами помады. Яркой, вызывающей, цвета фуксии.

И на нашем белоснежном ковре сидела Алина Королёва.

Она была в моем халате. В том, шелковом, бордовом, с вышитой монограммой «М+Д» на кармане. Моим подарком себе на годовщину свадьбы. Алина крутила ножку бокала, глядя на осколки зеркала на полу с таким выражением, будто рассматривала интересную антикварную безделушку. Она подняла глаза, увидев меня, и ее губы растянулись в медленной, сытой улыбке.

— Ой, Мариночка, ты рано, — протянула она, делая глоток. Капли красного вина упали на шелк халата. — Извини, я немного... хозяйничала. Дима сказал, ты все равно не ценишь вещи.

Тошнота подкатила к горлу. Я ещё не сняла мокрые ботинки, а она уже сидела на нашем ковре, пила наше вино и пачкала мой халат. Хотелось выдернуть из-под неё хотя бы край шелка. Забрать хоть что-нибудь своё. Я сама вышивала эту монограмму. Теперь на ней расплывалось вино, и Алина даже не пыталась промокнуть пятно.

— Где он? — мой голос прозвучал хрипло, чужим.

Алина пожала плечами, потянувшись всем телом, демонстрируя, как свободно ей сидит моя одежда.

— Спальня. Третья дверь налево. Или нет, уже вышел.

Шаги. Медленные, уверенные. Из коридора появился Дмитрий.

Он вышел в одном полотенце, небрежно повязанном на бедрах. Волосы взъерошены, на груди влажные пятна от чужих поцелуев, которые он даже не удосужился стереть. Его взгляд скользнул по мне — сверху вниз, оценивающе, холодно, как смотрят на товар, который вышел из моды. В его глазах не было ни стыда, ни страха быть пойманным. Только раздражение. Раздражение тем, что его вечер испортили. Тем, что я пришла раньше. Тем, что нарушила его комфорт.

Мне хотелось, чтобы Дима встал между мной и этой женщиной. А он стоял рядом с ней, и я никак не могла уместить это в голове. Этот человек, с которым я делила подушку вчера ночью, этот человек, которому я доверяла свои самые глубокие страхи и мечты, сейчас смотрел на меня как на помеху. Как на бухгалтерию, которую нужно сдать в архив.

Он прошел мимо Алины, которая хихикнула ему вслед, и подошел к столу. Там, поверх журнала по архитектуре, лежала папка. Синяя, канцелярская, стандартная.

— Марина, — начал он ровным, бюрократическим тоном, игнорируя мое состояние. — Садись. Нам нужно подписать бумаги.

— Какие бумаги? — я не садилась. Мои ноги приросли к полу.

— Соглашение о разделе имущества. Без притязаний на интеллектуальную собственность фирмы «Громов & Партнеры». Все проекты, эскизы, концепции, которые были созданы за время брака, остаются собственностью компании. То есть моей.

Я моргнула.

— Ты... ты хочешь забрать у меня мои чертежи? Те, что я делала для ЖК «Небо»? Для «Парка Победы»? Я там ночами не спала!

— Ты работала на фирму, а не на себя, — он открыл папку, достал ручку и положил передо мной. — Юридически это активы компании. Если ты подпишешь, я не буду возбуждать дело о незаконном использовании служебной информации. Если нет...

Он наклонился ближе. Запах его парфюма — мужской, древесный, я любила его годами, — теперь казался токсичным.

— ...я уничтожу твою репутацию так, что ты будешь мыть полы в этом городе. Ни один девелопер не возьмет тебя на работу после того, как я расскажу коллегам, какая ты неблагодарная и амбициозная сука, укравшая идеи у своего же мужа.

Угроза исходила не от злодея в маске. От человека, который целовал меня в макушку вчера вечером. Холодная бюрократия боли. Он превращал нашу жизнь в сделку, а любовь — в пункт договора.

Алина встала, прошлась по комнате, переступая через осколки стекла босыми ногами, будто импровизируя танец. Она остановилась рядом со мной и заглянула мне в лицо. Ни тушь, ни помада у неё не размазались.

— Дима прав, Марина, — сказала она сладко, ядовито. — Ты ведь просто чертила стены. Интерьеры, стиль, душу проекта вкладывала я. Дима это знает. А ты... тебе хватит и этого. Ты архитектор? Ну да, конечно. Но ты никогда не будешь дизайнером. Ты слишком... серая.

Я чертила эти стены, пока она присылала подборки диванов. И теперь должна была выслушивать, что душу проекту дала она. Алина не просто изменяла с моим мужем. Она стирала меня как профессионала. Превращала годы труда, бессонных ночей, поисков света и тени в «черновую работу».

Я попыталась закричать. Крикнуть им в лица, сказать, что они мрази, что они украли мою жизнь. Но горло перехватило судорогой. Вместо крика вырвался сдавленный шепот. Руки дрожали так сильно, что я не могла взять лежащую на столе ручку. Я задела её пальцами; ручка откатилась и звякнула о стекло бокала.

Дмитрий наблюдал за этим с легким презрением. Он ждал слез. Ждал истерики. Ему нужно было видеть, как я ломаюсь, чтобы подтвердить себе самому, что я слабая, что я недостойна его уровня. Что развод — это милосердие с его стороны.

Моя паника играет ему на руку.

Он следил за каждым движением моих пальцев. Стоило мне всхлипнуть — усмешка становилась шире. Я прикусила щеку изнутри, сглотнула и дала себе время прочитать первую строку. Ручку пока можно было не брать.

Я посмотрела на документы. На строчки, которые перечеркивали мою историю. Потом на лицо Дмитрия. Маска. Пустая, красивая, жестокая маска, под которой не осталось ничего человеческого.

Я перестала дрожать.

Медленно, очень медленно, я стянула с безымянного пальца обручальное кольцо. Оно застряло на отекшем пальце, но я сорвала его. Кольцо блеснуло в свете люстры и упало на стол. Прямо поверх строки для подписи «Марина Ветрова».

Стук металла о стол был громче любого крика.

— Я не буду подписывать, — мой голос звучал тихо, но твердо. Стально.

Дмитрий усмехнулся, ожидая блефа.

— И не буду просить, — продолжила я, глядя ему прямо в глаза. Впервые за весь брак я видела его страх. Небольшой: он перестал усмехаться и взглянул на кольцо. Он не привык, что жертва кусается.

— Я запомню этот запах твоего парфюма, Дмитрий. До встречи в суде.

Я развернулась и пошла к двери. Алина что-то кричала вслед, смеясь, но я не обернулась.

На улице лил проливной дождь. Ледяные капли били по лицу, смешиваясь с тушью, которая потекла по щекам. Мне было холодно. Страшно. Одиноко. Но внутри горел маленький, злой огонь.

Телефон в кармане пальто вибрировал. Экран засветился под темным навесом подъезда.

Неизвестный номер. Код города, где находится офис Артура Кротова. Конкурента. Врага моего бывшего мужа. Серого кардинала рынка, о котором ходили легенды.

Я не взяла трубку. Дождалась, пока звонок оборвется. Следом пришло сообщение, вспыхнувшее белыми буквами на черном фоне.

Артур Кротов. Срочно.

Дождь усилился. Я прикрыла экран ладонью и ещё раз прочла имя. Кротов. Дима всегда понижал голос, когда говорил о нём. Теперь этот человек искал меня.

Глава 2

Запах в кабинете адвоката Громова был стерильным, как в операционной. Дорогой парфюм «ничего личного» и кондиционер, гудящий на полную мощность. Я сидела на краешке кожаного кресла, чувствуя, как холодный пот пропитывает блузку под мышками. Передо мной лежала стопка бумаг, которые я должна была подписать еще вчера, но вместо этого требовала оригиналы договоров по интеллектуальной собственности.

— Марина Сергеевна, — голос Виктора Степановича был мягким, убаюкивающим, как колыбельная для тех, кого ведут на бойню. Он не поднял глаз от ноутбука. — Вы понимаете, что конфиденциальность клиентской тайны...

— Я понимаю, что вы лжете, — перебила я. Слово сорвалось с языка прежде, чем я успела его поймать. В горле заперло. — Дмитрий присылал мне этот документ неделю назад. Под видом страховки ответственности перед заказчиками. Там было три страницы мелкого шрифта о правах на дизайн-проекты. Я не читала сноски. Я просто поверила мужу.

Виктор Степанович наконец посмотрел на меня. Его глаза были мутными, как вода в аквариуме с мертвой рыбкой.

— Предварительное соглашение об урегулировании споров уже действует. Вы подписали его электронно. Альтернативы нет. Либо мы идем на мировую, либо ваш бывший супруг подает иск о клевете и незаконном использовании чужих активов. Суды сейчас быстрые. Особенно когда у истца есть все бумаги.

Я вцепилась в подлокотник так, что скрипнула кожаная обивка. Разжав пальцы, достала телефон и набрала Дмитрия. Он взял трубку сразу. Слишком быстро. Небось ждал, когда я позвоню жаловаться на его же адвоката.

— Дима, скажи ему правду, — мой голос звучал жалко, тонко, как струна, которую вот-вот порвут. — Это мои эскизы. Мой концепт «Гнездо». Ты знаешь это.

Тишина в трубке длилась две секунды. Потом я услышала его смех. Тихий, хриплый, почти интимный.

— Марин, ты же архитектор, а не бухгалтер. Кто платил за сервер? За лицензию на софт? За твоего ассистента, который переносил твои каракули в CAD? ООО «ГромСтрой». То есть я. Твое имя в договорах подряда — номинальное. Как табличка на двери. Открой глаза. Или останешься на улице.

Щелчок. Занято.

После отбоя я так и осталась с телефоном у уха. Слышала своё дыхание и гул компьютера. Виктор Степанович допечатал строчку, нажал Enter и отодвинул бумаги к краю стола. Для него разговор закончился; он уже ждал, когда освободится кресло для следующего клиента.

— Прошу покинуть помещение, — сказал он, даже не глядя. — Охрана проводит вас.

Я вышла в холл бизнес-центра. Ноги казались ватными, пол качался под подошвами туфель. На ресепшене охранник, здоровый детина с квадратным подбородком, покачал головой.

— Пропуск аннулирован пять минут назад, мадам. Ждите администратора.

И тут я увидела её. Алина Королёва шла мимо стеклянных дверей, держа в руке стаканчик кофе. Она выглядела так, будто родилась для этой жизни: идеальная укладка, дорогое пальто, улыбка, обнажающая ровные белые зубы. Я сделала шаг навстречу, хотела крикнуть, спросить, зачем она это делает, зачем ей нужен мой муж, если у неё целая армия поклонников с деньгами.

Алина посмотрела сквозь меня. Не на меня. Сквозь. Как будто я была пятном на стекле или пылинкой в воздухе. Она подняла телефон, делая селфи, и рассмеялась чему-то в экране,

проходя мимо и оставляя после себя запах дорогого цветочного шампуня и абсолютного равнодушия.

Я вернулась в холл, села на холодный каменный диван и достала телефон. Пальцы скользили по экрану. Открыла архивы. Папки пустые. Сервер фирмы закрыт. Я начала звонить коллегам. Бывшим однокурсникам, подрядчикам, тем, с кем мы вместе пили кофе на стройплощадках.

«Извини, Марин, у меня совещание».

«Не могу говорить, работаю над проектом для Димы».

«Давай позже?»

Последний номер я набрала дважды. Во второй раз звонок сбросили сразу. У всех были заказы Дмитрия, у кого-то — ещё и неоплаченные счета. Моё имя на экране стало поводом отвернуть телефон.

Такси не было. Приложения висели. Я вышла на улицу. Ноябрь встречал меня мокрой грязью и ветром, который забирался под тонкую куртку, холодил кожу до синевы. Город жил своей жизнью: машины сигналили, люди спешили домой, где их ждали горячий ужин и теплые одеяла. Я стояла у бордюра, чувствуя себя лишней деталью в механизме мегаполиса.

Курьер в желтой куртке остановился у моих ног, поставив пакет на мокрый асфальт. Перевел дыхание и протянул мне его.

— Заказ от Дмитрия Громова. Просил выбросить. Но... ну, вы поняли.

Я открыла пакет. Внутри была моя старая рабочая сумка. Та, с потертостями, куда я складывала карандаши, линейку, блокноты с заметками. Чертежи они оставили себе, а мне вернули то, что не смогли продать. Но на дне пакета, среди мятых салфеток и чеков, лежал лист бумаги. Мой первый самостоятельный эскиз. Тот, который я рисовала в университете, мечтая строить города для людей, а не для инвесторов. Он был разорван пополам. Посередине. Аккуратно. Симметрично.

Символизм? Или просто мусор, который им стало скучно хранить? Я прижала рваный край к щеке. Бумага была холодной и шершавой. Слеза скатилась по носу, смешиваясь с грязью с улицы.

Дома пахло плесенью и детским порошком. Съемная однушка в панельном доме на окраине. Ксюша сидела на полу, окруженная кубиками Lego. Ей было двенадцать, возраст, когда дети начинают видеть мир таким, какой он есть, без розовых очков. Она подняла голову, увидела моё лицо и замерла.

— Мама? — позвала она тихо. — Почему ты плачешь? И почему папа не звонит? Он обещал забрать нас на выходные.

Я попыталась улыбнуться. Получилось криво. Подошла, опустилась на колени рядом с ней, обняла. Она была такой худенькой, костлявой. Моя опора. И моя слабость.

— Папа занят, солнышко. У него важные дела. Мы справимся сами, правда?

Но внутри меня всё кричало. Мы не справимся. У меня не было денег. Не было работы. Не было дома. Была только эта комната, где скрипел линолеум, и ребенок, который смотрел на меня глазами, в которых поселялся страх. Страх перед нищетой, перед одиночеством, перед тем, что мир бывает жесток и к взрослым, и к детям.

Утром меня разбудил звук уведомления. Банк. Карта заблокирована. Причина: «подозрительная активность». Смех. Никаких переводов я не делала. Просто юристы Громова нашли способ заморозить остатки моих средств, чтобы я не могла даже оплатить коммуналку.

Я закуталась в старый свитер и снова принялась разбирать возвращённую рабочую сумку. Вчера хватило сил только на разорванный эскиз. Теперь вытряхнула на стол чеки, смятые салфетки, обрывки упаковки. Среди них оказался сложенный вчетверо лист.

Разгладила его ладонью. Черновик письма. Распечатанный на принтере, с жирными чернильными пятнами от ручек. Адресат: Инвестфонд «Северный». Тема: Оптимизация рисков перед проверкой ФАС.

Я прочитала первые строки. Руки задрожали сильнее, чем утром.

«...Развод с Ветровой необходим для вывода активов из зоны риска. Интеллектуальная собственность переоформлена на дочерние структуры. Проверка регулятора будет пройдена без ущерба для репутации компании...»

Я прочла слово «необходим» ещё раз. Развод был необходим — как перевод денег или смена вывески. Пока я выбирала плитку и ждала его домой, он писал фонду, как выгодно от меня избавиться. Даже Алине не пришлось уговаривать его: мои проекты уже ушли в дочерние структуры.

Я стояла у стола, держа в руках эту грязную бумагу. За окном шумел город, проезжали машины, кто-то кричал во дворе. Но я ничего не слышала. Только стук собственного сердца. Ровный. Медленный. Холодный.

Я держала лист за самый край, чтобы не смять ни одной строчки. Вот он, адрес фонда. Вот тема письма. Это можно показать кому-то ещё; Дмитрий уже не сможет сказать, что я всё придумала от ревности.

Я представила окна своего бывшего дома, где теперь жила Алина. Где теперь жил мой бывший муж.

Если Дмитрий думал, что сломал меня, он ошибся.

Он просто научил меня быть опасной.

Глава 3

Стеклянная дверь отделения банка разделила меня на две части: снаружи осталась Марина Ветрова, архитектор с многолетним стажем, а внутрь вошла просто клиентка без денег. Кондиционер гудел так громко, что хотелось заорать. Я стояла в очереди, чувствуя, как влажная блузка липнет к спине. Пот выступал не от жары, а от стыда.

— Следующий, — бросила девушка-оператор, даже не подняв глаз от монитора.

Я подошла, положила паспорт на холодную стойку. Пальцы дрожали так сильно, что документ чуть не соскользнул.

— Мне нужно снять остаток и оформить реструктуризацию по кредитной карте. Я была поручителем по общему кредиту еще до развода.

Девушка наконец посмотрела на меня. Взгляд был пустым, профессионально равнодушным. Она набрала что-то, подождала, пока система «думает», и покачала головой.

— Счет арестован по решению суда. Долг перешел в просрочку. Вы не можете ничего ни снять, ни оформить.

— Но я еще не получала это решение! Это незаконно, я не видела документов!

— Законно или нет — вопрос к вашему юристу. Моя задача — закрыть отчетность. Идите дальше.

В кармане завибрировал телефон. Экран показал неизвестный номер. Я взяла трубку, надеясь на ошибку оператора, но услышала хриплый мужской голос:

— Марина Сергеевна? Мы знаем, где вы живете. Если долг не будет погашен в течение недели, мы позвоним в школу вашей дочери. Пусть девочка объяснит директору, почему мама — банкротка.

Гудки.

Я ещё держала трубку, когда оператор позвала следующего. Школа Ксюши. Они уже знали школу. Слова про просрочку вылетели из головы; я вышла из очереди, пытаясь сообразить, сколько времени осталось до конца её уроков.

Я не дождалась следующего номера. Вышла из банка на мокрый ветер, и цифры в голове всё равно не складывались: долг, неделя, школа Ксюши. Коллекторы знали наш адрес. Зина ждала предоплату. В этом списке не было ни одной строки, которую я могла бы вычеркнуть.

Ксюша была ещё на уроках, и я решила заскочить домой до конца её занятий — хотя бы наполнить термос и побыть в тишине. Но съемная однушка встретила меня не тишиной.

Ключ от съемной однушки на окраине города скрипнул так громко, что я вздрогнула. Квартира пахла пылью и чужими сигаретами. Тетка Зина стояла посреди гостиной, скрестив руки на груди. Её глаза метались по моим вещам, которые мы всё ещё не разобрали после переезда.

— Предоплата за месяц и залог, — сказала она сухо. — Ты обещала внести после перевода от мужа. Перевод где?

— Дмитрий не платит. Он заблокировал все счета. Дайте мне три дня, я найду заказ…

— У меня тут приличные люди живут, а не бомжи с чемоданами, — перебила Зина, отступая к двери, словно ожидая грабителей. — Три дня. Потом вещи на лестничную площадку.

— Я могу сделать ремонт в коридоре. Или уборку генеральную. Я умею работать руками, — попыталась я торговаться, чувствуя, как гордость трескается, как дешевый пластик.

Зина фыркнула.

— Архитектурные изыски здесь никому не нужны. Вес имеет только наличка. Не будет денег — выселяю.

Она вышла, хлопнув дверью так, что с полки упала кружка. Я осталась одна среди коробок, понимая, что мои навыки, мой вкус, моя профессия здесь не имеют цены. Здесь ценится только то, что можно потрогать и положить в карман. А у меня в карманах было пусто.

Из-за ширмы донесся всхлип. Я заглянула туда и увидела Ксюшу. Она сидела на полу, окруженная картонными коробками, и рыдала так, что её плечи сотрясались. На коленях лежал планшет с открытой страницей соцсетей. Фотография Алины Королёвой в дорогом платье на фоне нашей бывшей квартиры была подписана: «Жена неудачника». Под ней уже сотни комментариев школьников.

— Они знают, мам! — крикнула Ксюша, бросаясь на меня. — Все знают, что ты не смогла удержать папу! Верни всё обратно! Я хочу домой! Там было тепло!

— Ксюшенька, это неправда… — начала я, протягивая руки, чтобы обнять её.

Но обнять себя она не дала. Я не могла обещать, что завтра верну её домой: Дмитрий ясно дал понять, кого теперь считает хозяйкой. «Всё будет хорошо» звучало бы как ложь, а ложь сейчас убивала быстрее правды.

Ксюша резко отдернула руку. Я заметила, как она прячет что-то в рукаве куртки. Блеск металла. Ножницы.

Рядом валялось платье с полосой срезанного подола — из тех, что Алина прислала нам в подарок с подписью «Для нищих». Ксюша снова потянулась к ткани, стиснув ножницы.

Я осторожно взялась за её руку.

— Дай сюда. Платья потом выбросим. Вместе, слышишь?

Дочь ещё пыталась выдернуть ножницы, но я удержала её запястье, пока она не разжала пальцы. Положила ножницы подальше, села рядом и устроила голову Ксюши у себя на коленях. Она замолчала, только тяжело дыша.

Телефон снова зазвонил. Мама Дмитрия. Я ответила, надеясь хотя бы на совет, на человеческое участие.

— Лидия Петровна, мне нужна помощь. Просто временное пристанище…

— Дима прав, — голос свекрови был твердым, как камень. — Ты слишком много хотела. Архитекторы — это хобби, а не профессия. Если бы ты просто молчала и варила борщ, ничего бы этого не было.

— Лидия Петровна, он присвоил мои проекты! Это интеллектуальная собственность, есть законы…

— Не грузи меня бумагами, — оборвала она. — Я тебя предупреждала, что он бабник. Теперь терпи. Сама виновата.

Щелчок. Отбой.

Я смотрела на экран телефона, и ледяная ясность сковала сердце. Даже свекровь была за Диму. От её голоса в ушах ещё звенело, а попросить ночлега больше было не у кого. Никто не защитит. Никто не поверит. Кроме тех, кому это выгодно.

К ночи в комнате стало ещё холоднее. Батарея была ледяной. Я пыталась согреть воду в чайнике, чтобы напоить горячим чаем Ксюшу, которая замерзла в тонком одеяле. Внезапно свет мигнул и погас. Тишина стала оглушающей. Электричество отключили из-за долгов предыдущего жильца — я не успела переоформить лицевые счета.

Ксюша пискнула от страха. Темнота давила, заполняя собой пространство.

— Мама! Страшно!

Я действовала механически, почти автоматически. Нашла свечи в коробке, зажгла спички. Огонь дрожащими языками осветил комнату, превращая тени в монстров. Я укутала Ксюшу в свое пальто, прижала к себе, начала читать вслух старую сказку про принцессу, которая потеряла дом.

Голос дрожал. На словах о потерянном доме пришлось остановиться и сглотнуть. Ксюша теснее прижалась ко мне, ожидая, что было дальше. Я укрыла её плечо краем пальто и продолжила. Завтра нужно было найти деньги, сегодня — хотя бы дочитать сказку, чтобы она уснула.

Утро встретило серостью. Я села за старый ноутбук, который еще держал заряд. На фриланс-бирже висел заказ на дизайн интерьера небольшой студии. Легкий проект. Хорошие деньги. Я написала письмо, приложила портфолио. Ответ пришел через час.

«Марина, извините, мы выбрали другого исполнителя. Нам сказали, что у вас проблемы с авторскими правами и репутацией. Мы не хотим рисков».

Даже здесь до меня успели Дмитрий с Алиной. Заказчик смотрел портфолио, а отвечал на чужие слухи. Меня удаляли из системы, стирали как цифровую пыль.

Пальцы уже набрали: «Вы хотя бы посмотрели работы?» Я стерла вопрос. Заказчик всё сказал. Удалила профиль с биржи и осталась перед пустым экраном, не зная, куда ещё послать портфолио.

Затем открыла старую папку на жестком диске. Черновик проекта «Гринвиль», который Дмитрий украл и представил как свой на презентации инвесторов. Я смотрела на линии, на свои заметки на полях, сделанные красным маркером. Дата создания файла — за год до того, как Дмитрий вообще упомянул этот проект в разговорах.

Впервые за три дня я не плакала. Слезы высохли, оставив место чему-то более прочному. Я сделала скриншот свойств файла, выписала метаданные, сохранила копию в облако под именем «Доказательство_1». Затем еще одно. И еще.

Оружие. Я начинала собирать его в тишине.

Я вышла из подъезда, чтобы выбросить пакет с мусором. За этот пакет, по крайней мере, никто не требовал предоплату. Воздух был влажным, пахло бензином и мокрой землей.

На лавочке напротив сидел мужчина. Дорогое пальто, темно-синее, без единой складки. Он курил, глядя прямо на окна моей квартиры. Шрам на виске, холодные глаза. Артур Кротов.

Он не подошел. Не заговорил. Просто смотрел.

Я почувствовала себя голым животным на свету фар. Инстинкт кричал: беги, спрячься, стань невидимой. Но ноги не слушались.

Я остановилась. Выпрямилась. Подняла голову и посмотрела прямо ему в глаза. Не с мольбой. Не со страхом. С вызовом.

Артур не улыбнулся. Никакой жалости в его взгляде не было. Только оценка. Он достал телефон. Открыто, демонстративно сделал фото моего лица. Щелчок камеры прозвучал как выстрел. Затем он отправил сообщение, убрал телефон в карман и встал.

Он развернулся и пошел прочь, растворяясь в тумане мегаполиса.

Я стояла, сжимая в руках пакет с мусором, и чувствовала, как его взгляд остается на коже ожогом. Он пришёл сюда ради меня, а ушёл без единого слова. Даже мусор я ещё не выбросила — так и стояла с пакетом. Чего он ждал? Что я отвернусь? Что позову его сама?

Телефон в кармане завибрировал. Неизвестный номер.

Сообщение: «Я знаю, что ты не жертва. Ты архитектор хаоса. Давай поговорим.»

Глава 4

Ноутбук гудел на столе, как старый холодильник в коммуналке. Экран освещал лицо Ксюши — бледное, с синяками под глазами от недосыпа. Она сидела на корточках, рассматривая подошву своих кроссовок. Тонкая резина уже начала отделяться от ткани, превращаясь в лохмотья.

— Мам, — Ксюша не смотрела на меня. Голос был тихим, виноватым. — У всех в классе Nike Air Force. А у меня вот это разваливается. Мне стыдно выходить из школы.

В горле встал ком, острый и колючий. Я посмотрела на свои руки: кончики пальцев чернильные, кожа сухая от дешевой воды из-под крана. Мы жили в этой однушке всего несколько дней. Тридцать квадратов: от стола до ширмы три шага, от ширмы до двери ещё два. Даже кроссовки Ксюша прятала здесь у всех на виду.

— Купим, когда я получу гонорар, — сказала я. Ложь была сладкой и горькой одновременно. Я сама хотела в неё поверить.

Ксюша вздохнула, подтянула носки, прикрывая дырку над задником кроссовка, и ушла в угол за ширмой. Тишина после её ухода давила на уши. Я открыла файл «Зелёная долина». Рендеры моего лучшего проекта — того самого, который Дмитрий присвоил, выставил на продажу как свой шедевр и получил за него премию «Строймастер года». Здесь была моя душа, вывернутая наизнанку, упакованная в PDF для чужих глаз.

Руки дрожали. Не от холода. От унижения. Но я щёлкнула мышью и открыла черновики писем в три архитектурных бюро. Маленькие, средние, крупные. У каждого был адрес и имя руководителя. Я проверила, что файлы прикрепились, перечитала обращения и нажала «Отправить» три раза. Теперь хотя бы три человека увидят мои работы раньше, чем услышат версию Дмитрия.

Утро началось с сообщения: одно из трёх бюро звало смотреть портфолио вживую, прямо сегодня. Ксюша ещё спала за ширмой; я тихо оделась, оставила на столе записку про завтрак и вышла, прижимая планшет с портфолио к груди.

Первым меня пригласил молодой стартапер по имени Артём. Его офис напоминал коворкинг из Pinterest: кирпичные стены, растения в кашпо, кофе из зерновой машины. Он листал моё портфолио, и его глаза расширялись.

— Вертикальные сады... Это же тренд следующего десятилетия, Марина. Вы мыслите масштабно. Если бы не кризис логистики, я бы нанял вас завтра.

Сердце сделало бешеный кувырок. Я уже прикидывала, какой гонорар попросить за первый проект. Может быть, мир справедлив? Может быть, талант действительно пробивает стены?

Телефон Артёма завибрировал на столе. Экран мигнул. Он ответил, включив громкую связь, думая, что это важный клиент.

— Слушаю. Да. Что?.. А, привет, Дима! Нет-нет, конечно, помню твою жену... Какую такую Марину Ветрову?.. Ого. Серьезно?.. Ну ты даешь, братан. Понял. Всё, вопрос закрыт. До связи.

Он положил трубку. Я убрала руки со стола. Просить о гонораре уже не имело смысла. Лицо Артёма стало каменным. Вежливость испарилась, оставив лишь профессиональную фальшь.

— Марина, мы тут подумали... Ваш опыт слишком специфичен. Нам нужен человек, который понимает наши внутренние корпоративные стандарты. Без внешних конфликтов.

Я слышала, кто звонил. Дмитрий Громов. Они не просто забирали деньги. Они отравляли воду вокруг меня, чтобы я захлебнулась.

— Спасибо за время, — произнесла я. Хотелось спросить, какие именно стандарты Дима успел продиктовать ему за минуту. Но Артём уже закрыл портфолио. Я забрала его со стола, прижимая угол к ладони, и пошла к двери.

Артём не вышел провожать. Дверь коворкинга закрылась за мной, и я осталась одна на лестничной площадке, прижимая портфолио к груди. Дмитрий успел добраться даже сюда, до этого маленького офиса с кофе из зерновой машины. Где он ещё успел побывать, пока я ехала через весь город?

На улицу выходить не хотелось: зонта не было, дома ждали однушка, Зина и её три дня. Но стоять на лестнице было ещё хуже.

Улица встретила меня ледяным дождем. Капли били по щекам, стекали за воротник куртки. Я шла быстро, не чувствуя ног. В витрине бутика модной одежды висело платье. Шелковое, цвета глубокого вина. Такое же, какое я надевала на открытие офиса Громова. На этикетке красовался ценник со скидкой семьдесят процентов. «Распродажа коллекций прошлых сезонов».

Прохожая толкнула меня плечом, даже не обернувшись. Я споткнулась, чуть не упав в лужу. Вода хлюпнула в ботинок. Холодный асфальт, бензин, мокрая шерсть — запахи города, который перестал меня признавать.

Я остановилась перед стеклом. В отражении — женщина с серым лицом, мокрыми волосами и пустыми глазами. «Жена неудачника». «Балласт». Чужие слова лезли в голову, будто я сама их придумала.

Слёзы подступили к горлу, обжигая ноздри. Но вместо слёз пришла ярость. Ледяная, чистая, хирургическая.

Достала телефон. Написала Артуру Кротову, человеку, которого боялся весь город. Тому, кто позвонил мне в ту ночь, а потом прислал приглашение поговорить.

«Я готова к встрече. Условия обсуждаем сегодня».

Нажала отправить. Я больше не ждала милости от тех, кто дрожал перед Громовым. Я шла к дьяволу, потому что только он мог дать мне оружие.

Ответ пришёл через десять минут — короткий, как удар: адрес, время, без всяких «здравствуйте». Я переписала их на листок и прижала его ладонью к столешнице, будто он мог улететь. До встречи оставались часы, и паниковать в них было слишком дорого.

Дома я включила соцсети, чтобы найти вакансии в группах архитекторов. Алгоритмы, словно насмехаясь, первыми показали пост Алины Королёвой.

Фотография: ресторан «Белый кролик», вид на ночной город. Алина держит бокал шампанского, улыбка хищная, победоносная. Подпись: «Иногда нужно просто отпустить балласт, чтобы взлететь. #НоваяЖизнь #ГромовИнвест #FreeDima».

Комментарии текли рекой грязи.

«А где та нищенка? Под мостом ночует?»

«Слышал, она теперь полы моет. Позор.»

«Дима молодец, что выбрал настоящую женщину.»

Меня замутило. Физически. Я схватилась за край стола, костяшки пальцев побелели. Хотелось закрыть приложение, но пальцы листали дальше. Следующее фото: наш дом. Тот, где я родила мечты и хоронила иллюзии. Снаружи, снятый с ракурса «продаётся срочно». В описании: «Роскошная квартира в центре. Торг уместен. Хозяйка съехала из-за финансовых трудностей».

Они не просто забирали имущество. Они разрушали память. Они делали мою жизнь контентом для своего успеха. Алина чувствовала вкус крови, и ей этого было мало. Ей было мало забрать мой дом — нужно было ещё выставить меня посмешищем.

Я закрыла приложение. Экран погас, и комната будто потемнела. Ксюша просидела за ширмой всё это время — тихо, слишком тихо для двенадцати лет. Она не видела экран, но слышала моё дыхание и, наверное, понимала: хороших новостей не было.

Ксюша вышла из-за ширмы. Чай остыл в кружке рядом с ней. Лапша мгновенного приготовления стояла нетронутой.

— Тебя взяли? — спросила она. В глазах читалась такая хрупкая, почти детская надежда, что мне захотелось провалиться сквозь землю.

Я молчала. Пауза затянулась, став невыносимо тяжелой.

— Я думала, папа хотя бы платит за квартиру, — тихо сказала Ксюша, опустив голову. — Чтобы мы могли купить кроссовки.

Ее слова ударили точнее любого кулака. Я села на пол, на холодный линолеум, и притянула дочь к себе. Обняла крепко, чувствуя, как её худенькие ребра впиваются в мои руки.

— Папа присвоил мои проекты, Ксюш. Я не могу вернуть его домой и сделать вид, что всё нормально. Но кроссовки у тебя будут. И квартира нормальная будет. Я сегодня договорилась о встрече, а до этого мне надо кое-что проверить. Поможешь найти зарядку от планшета?

Это звучало как заклинание. Я повторяла его самой себе, чтобы не заплакать в голос. Ксюша шмыгнула носом у моего плеча. Я держала её и уже перебирала в уме папки на планшете. Для этой встречи нужно было взять лучшее, что у меня осталось. Проиграть и снова вернуться к дочери с пустыми руками я не могла.

Вечер подкрался быстро. Я отобрала в планшете три лучшие папки — всё, что у меня осталось, — дважды проверила зарядку и достала из шкафа единственные туфли на каблуках, которые ещё не предали меня в грязи. Злость держала спину прямее страха; я питалась ею весь день.

Лофт оказался дальше, чем казалось на карте: маршрутка, потом десять минут пешком по темному промзонному переулку.

Лофт Артура Кротова находился в бывшем заводском здании на окраине. Никакого гламура. Бетон, сталь, минимум мебели. Воздух пах металлом и дорогим табаком.

Артур сидел спиной к окну, перебирая чертежи. Он не предложил мне кофе. Не улыбнулся. Не встал навстречу.

— Вы опоздали на пять минут, — произнес он низким, ровным голосом. — Я не люблю опоздания. Тем более от людей, которым нужна помощь.

Я не оправдывалась. Достала планшет, положила на стол между нами эскиз. Конструктивная схема набережной, где проект Громова имел критические ошибки, которые через год приведут к просадке фундамента.

— Я не пришла за помощью, Артур. Я пришла предложить сделку. Вы знаете, что проект Громова на набережной имеет конструктивные ошибки. Я могу их исправить. За долю в проекте и защиту от исков.

Артур медленно повернулся. Его взгляд скользнул по мне, игнорируя внешность, и остановился на моих глазах. Там был интерес. Не к женщине, а к дерзости.

— Смело, — сказал он. — Очень смело.

Он взял планшет. Провел пальцем по линии свай. Затем поднял глаза. В них не было веселья. Только расчет.

— Откуда у вас эти данные? Громов закрыл эту тему в архиве два года назад. Доступ к серверу есть только у главного инженера и у него.

Я замерла. Я действительно получила доступ случайно, пока искала свои файлы для раздела имущества. Я зашла в старую папку «Общие документы», которую Дмитрий забыл удалить из облака. Я не должна была там быть.

Артур усмехнулся. Коротко, сухо.

— Вы украли интеллектуальную собственность конкурента, чтобы продать мне. Это либо гениальность, либо самоубийство. Громов узнает, что вы были в системе. Он подаст заявление о промышленном шпионаже по статье 183 УК РФ. Ваша карьера кончена окончательно. Но...

Он отложил планшет.

— Мне нравится ваш риск. Вы готовы стать мишенью?

Я смотрела на планшет у его локтя. Пока ехала сюда, представляла, как он проверит расчёты, спросит цену. Про доступ к архиву я даже не подумала. Теперь Артур говорил о тюрьме и ждал, что я соглашусь быстрее. Хотелось забрать планшет; но за дверью были Зинины три дня и дырявые кроссовки дочери.

Он протянул контракт. Плотная бумага, аккуратные строки.

На последней странице мелким шрифтом было написано: «В случае раскрытия информации клиент обязуется обеспечить полное юридическое прикрытие исполнителя, включая защиту от уголовного преследования по ст. 183 УК РФ».

Подпись Артура уже стояла. Чернила свежие.

Он не ждал ответа. Просто посмотрел на часы на запястье. Секундная стрелка ползла по циферблату.

— У вас есть минута, Марина. После этого я найду кого-то менее... рискованного.

Глава 5

Ветер бил в лицо, холодный и злой, как пощечина от бывшей свекрови. Я стояла перед стеклянными дверями отеля «Гранд», чувствуя, как дрожат пальцы. Не от холода — от ярости. Внутри горели люстры, пахло дорогим парфюмом и деньгами, а снаружи был мир, который меня выплюнул.

Двое охранников в черных пиджаках преградили путь. Один из них, рыжий верзила с шрамом на брови, хмыкнул, разглядывая мое дешевое пальто и стоптанные сапоги. Он узнал меня. Фотография «жены неудачника», которую Алина Королёва выложила в соцсети неделю назад, облетела весь город. Там я была жалкой, замученной, с синяками под глазами. Здесь же я выглядела так, будто спала в машине.

— Простите, барышня, — голос рыжего был масляным и гадким. — Закрытое мероприятие. Список гостей утвержден. Проходите мимо.

Я не отступила ни на шаг. Сунула руку в карман и достала телефон. Экран светился уведомлением, отправленным ровно час назад.

— Артур Кротов ждёт меня. Проверьте. Или позвоните ему лично, если хотите объяснять, почему вы не пропустили его гостью.

Имя «Кротов» сработало как заклинание. Рыжий побледнел, его напарник нервно сглотнул. Они переглянулись, и в их глазах появилась смесь страха и уважения, которую я так ненавидела у людей вроде Дмитрия, но сейчас она была моим щитом.

— Подождите здесь, — пробурчал рыжий, исчезая за дверью.

Рыжий вернулся и кивнул напарнику. Меня пустили через служебный вход, и я вышла в холл, где толпились инвесторы. И тут я увидела её. Алину. В белом платье, которое стоило больше, чем моя аренда за полгода. Она держала бокал шампанского, смеясь над чьей-то шуткой, когда заметила меня. Улыбка медленно сползла с её лица, сменившись маской отвращения.

Она подошла вплотную, игнорируя взгляды окружающих. Запах её духов — тяжелый, приторный — ударил мне в нос.

— Ты здесь? — её голос звенел от удивления и злорадства. — Чтобы собирать крошки со стола? Или ты пришла попросить прощения? Дима говорил, что ты стала истеричкой, но он ошибался. Ты просто... грязная.

Я отвела взгляд от её лица к полированной колонне. В ней отражались и мы, и люди, которые уже прислушивались к разговору. Моё лицо было спокойным. Слишком спокойным для человека, которого только что унижали публично.

— Официант, — тихо позвала я.

Молодой парень метнулся ко мне, узнав жест. На подносе уже стоял бокал виски со льдом. Заказ был сделан заранее, через того самого охранника, пока он проверял список. Алина моргнула, сбившись с ритма. Я взяла бокал с подноса. Лёд звякнул о стекло, официант остался рядом, ожидая следующего заказа. Алине пришлось замолчать на полуслове. Люди вокруг видели её злое лицо и меня с напитком — скандал теперь устраивала она.

— Что ты себе позволяешь?! — взвизгнула она, теряя лицо.

Но прежде чем я успела ответить, рука легла мне на плечо. Тяжелая, уверенная, властная. Дмитрий Громов. Он появился откуда-то сбоку, красный от гнева, его костюм сидел идеально, но глаза были мутными от алкоголя и злости.

— Убирайся, Марина, — прошипел он мне в ухо, чтобы слышала только я. — Сейчас вызову полицию. Вторжение на частное мероприятие. Тебе это нужно? Твой позор будет полным.

Я медленно повернула голову. Посмотрела ему прямо в глаза. В этих серых омутах читалось привычное презрение к слабому. Но сегодня слабость была не моей.

— Артур не любит, когда его гости нервничают, — произнесла я ровным тоном. — Ты хочешь испортить ему вечер? Подумай, Дима. Если ты поднимешь шум, Кротов узнает, кто сорвал презентацию его нового партнера. А он не прощает ошибок.

Дмитрий замер. Его челюсть сжалась так сильно, что вздулась мышца на скуле. Он скосил глаза к лифту, потом оглянулся на гостей. Рука на моём плече ослабла. Я могла отойти — он уже не удержал бы. Виски я так и не попробовала, но во рту стало сладко.

— Кабинет господина Кротова. Пятый этаж. Лифт справа, — услышала я за спиной голос администратора.

Дмитрий дёрнулся, пытаясь сказать что-то ещё, но я уже развернулась и пошла прочь. Мои каблуки цокали по мрамору, отбивая ритм моего сердца. Оно колотилось часто, но не от страха. От азарта.

Кабинет Артура был темным. Только лунный свет резал пространство на полосы. Он стоял спиной к панорамному окну, затягиваясь сигаретой. Дым поднимался тонкими нитями, растворяясь в полумраке. Шрам на виске бледнел в этой тени, делая его лицо похожим на маску хищника.

Он не предложил мне сесть. Не поздоровался. Просто спросил, не отходя от окна:

— Зачем тебе этот проект? Месть или деньги?

Я прошла ближе, чувствуя холод стекла окна напротив.

— Я хочу снова строить, Артур. По своим чертежам и под своим именем. За деньги, да. И Дима должен увидеть это — тоже да. Вы можете использовать меня в своей войне, я понимаю. Но сидеть тихо и ждать, пока вы поделите рынок, я не буду.

Артур отступил от окна. Тушил сигарету о край хрустальной пепельницы. Впервые за вечер он смотрел на меня без презрения. Без оценки «жертвы». С интересом.

— Смело, — сказал он. — Глупо, но смело.

Он подошел к столу и бросил туда толстую папку с чертежами.

— Тест. Десять минут. Найди ошибку в планировке жилого комплекса «Северный». Три моих архитектора не нашли её за месяц. Если ошибешься — уходишь навсегда. Если найдешь — мы начинаем разговор всерьез.

Я взяла карандаш. Руки не дрожали. Я знала, где искать на этих схемах. Инсоляция, вентиляция, потоки движения. На этой бумаге была жизнь людей, которые будут там жить.

Листы перелистывались быстро. Мозг работал на высоких оборотах, отсекая лишнее. Коммерческие блоки, подземные паркинги, фасады. Всё верно. Кроме одного. Секция D. Социальное жилье на первом этаже. Окна выходили в глухой двор, а на плане благоустройства здесь ещё оставалась площадка складирования стройматериалов. Но главное — соседний корпус перекрывал солнце. Это было видно по схеме инсоляции: квартиры социального сегмента и детская площадка почти весь день оставались в тени. Люди будут болеть. Их дети будут расти в темноте.

Я ткнула пальцем в схему.

— Вот.

Артур склонился над столом. Его дыхание коснулось моей щеки. Горячее, резкое.

— Нарушение нормативов по инсоляции для социального сегмента, — прочитал он вслух. — Ты спасла бы бедных, но потеряла бы миллионы. Почему я должен тебя слушать?

Я подняла глаза. Вблизи его серые радужки казались стальными. Опасными. Красивыми.

— Именно эта деталь станет нашим главным маркетинговым ходом, — сказала я. — История о человекоцентричном городе продаст квартиры дороже, чем голый бетон. Мы не просто строим стены, Артур. Мы продаем совесть покупателям. А они готовы платить за ощущение правильности.

Артур смотрел на отмеченную секцию D. Я оставила карандаш на схеме и ждала. Он снова проверил линию тени, затем поднял глаза на меня. Я выдержала взгляд: десять минут он назначил сам, и ответ я нашла раньше.

Его телефон завибрировал. Он взял трубку, отвернулся к окну. Я видела лишь напряженную линию его плеч. Разговор был коротким. Когда он повесил трубу, его лицо стало каменным.

— Дмитрий только что слил твою биографию всем журналистам в холле, — сообщил он, не глядя на меня. — Фотографии, истории о банкротстве, слухи о том, что ты шантажировала бывшего мужа ради денег. Они идут сюда. Толпа. Камеры.

Сердце упало в пятки. Финальный удар. Они хотели добить меня прямо здесь, на пороге его кабинета. Унизить окончательно.

Я не паниковала. Внутри всё заледенело, став твердым и острым.

— И что мы делаем? — спросила я.

Артур обернулся. И улыбнулся. Впервые за весь вечер. Это была улыбка акулы, почуявшей кровь.

— Мы выходим вместе. Под руку. Пусть видят, кто теперь рядом с тобой.

Он протянул мне локоть. Жесткий, властный. Я вцепилась в него пальцами, чувствуя ткань его дорогого костюма.

Мы вышли в холл. Вспышки камер ослепляли, превращая мир в белый шум. Крики репортеров доносились приглушенно, как из-под воды. «Марина! Дмитрий прав!» «Вы действительно шпионили?»

Дмитрий стоял в стороне, бледный, с перекошенным ртом. Он ожидал увидеть сломленную женщину, убегающую в туалет рыдать. Вместо этого он увидел пару. Высокого, опасного мужчину и женщину в простом пальто, которая шла так, словно этот отель принадлежал ей.

Артур не отпускал мою руку. Его пальцы сжимали мои сильнее, передавая тепло и уверенность. Он наклонился к моему уху, и его голос прозвучал тише, чем шум толпы, но отчетливее:

— Сейчас они будут писать не о том, какая ты нищая, а о том, чья ты женщина. Привыкай дышать этим воздухом, Марина. Он разреженный, но здесь нет места слабым.

Я посмотрела на Дмитрия. В его глазах плескалось недоумение, граничащее с ужасом. Игра изменилась. Он отвёл взгляд первым. Тот, кто ещё час назад выгонял меня из холла, теперь не решался даже приблизиться. Я удержала его в поле зрения ещё пару шагов — хотелось запомнить это лицо.

Я не улыбнулась. Я просто расправила плечи и шагнула дальше, в гущу света и теней, чувствуя, как под кожей загорается новый огонь. Огонь, который нельзя потушить водой.

Глава 6

Лифт в пентхаус Артура Кротова был не кабиной, а стеклянным гробом. Прозрачные стены открывали вид на мегаполис, который внизу превращался в муравейник из огней и металла. Я стояла у двери, вцепившись пальцами в холодный поручень, чувствуя, как желудок сворачивается от высоты и собственного бессилия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.